

ДУХОВНЫЙ МИР СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О РОМАНЕ МИРМУХСИНА «ЧАТКАЛЬСКИЙ ТИГР»

Большой популярности Мирмухсина среди читателей, неуклонно растущему вниманию к его творчеству переводчиков и издателей, литературоведов и критиков есть множество объяснений. Многожанровость автора — поэт и романист, создатель произведений для детей и юношества, переводчик и публицист. Широкая амплитуда временных и тематических его интересов — от поэмы «Ширак», действие которой относится к IV веку до нашей эры, романа «Зодчий» — художественной реконструкции событий и типов XV столетия, повестей из истории Хивинского ханства «Рабья» и «Белый мрамор» — до циклов стихов и поэм «Уста Гияс», романа в стихах «Зияд и Адиба», прозаических романов «Умид», удостоенного Государственной премии Узбекской ССР имени Хамзы, и «Сын литейщика», отмеченного премией Всесоюзного конкурса на лучшее произведение о рабочем классе, повести «Женщина в чадре» — произведений, проникнутых горячим дыханием современности. И все же главное, чем привлекает к себе Мирмухсин, независимо от того, к какому жанру относится та или иная его книга, какой период охватывает, с чем связана тематически, — главное, в глубокой правде и жизненной достоверности всего, что описано автором, в особой, я бы сказал, обостренной чуткости к проблемам — философским, социальным и нравственным, — актуальным сегодня, в умении автора создать живые и полнокровные, неоднозначные человеческие характеры, в пластической выразительности его языка.

Трудно, да, пожалуй, и нет особой нужды излагать содержание романа. Его сюжет — естественное течение самой жизни с ее быстрой и стоячими заводами. Его герои — обычные люди, с которыми вместе работаешь, повседневно встречаешься, споришь, душевно сближаешься или, напротив, враждует и борешься. И в этом, наверное, основное достоинство и притягательная сила романа — в его непридуманности, в убе-

дительной достоверности запечатленных событий и человеческих судеб.

По принятой и узаконенной литературоведческой классификации роман Мирмухсина следовало бы отнести к категории так называемого производственного романа. Все признаки такового как будто бы налицо: главные события разворачиваются на строительной площадке Чарвакской гидроэлектростанции (она и сама, замечу попутно, не пассивный, индифферентный фон, но действующее лицо), все основные герои, не прямо, так косвенно, вовлечены в эту стройку, и через отношение к ней в конечном итоге выявляется истинная сущность их характеров.

И все же причислить «Чаткальского тигра» к разряду «производственного романа» было бы, на мой взгляд, неверно. И вот почему. Отличительным свойством такого рода произведений является то, что в основе их лежит конфликт производственный. У Мирмухсина иначе: конфликт, наскавзав проницающий книгу, — конфликт нравственный. Именно он роднит и сближает одних персонажей, разводит и противопоставляет друг другу иных.

Центральным героем и носителем авторского идеала выступает в романе бывший фронтовик, а ныне начальник участка на стройке Караджан Мингбаев — Чаткальский тигр, так называют его и друзья, и враги, вкладывая в эти слова разный, а точнее сказать, диаметрально противоположный смысл. И это, читатель поймет, не только потому, что честность и прямота Караджана, его нетерпимость ко всякому роду лжи, приспособленчеству, моральной нечистоплотности, вызывающие горячие симпатии к нему одних персонажей, озлобляют других, таких, как карьерист Киемходжа Хазратов или ловкий делец Сапчабаев. Есть для этой двусмысленности оценок героя и другие причины, лежащие в природе его непростого характера.

Да, это ясно: в образе Караджана Мингбаева автор стремится представить положительного героя нашего времени. Положительного героя, но отнюдь не голубой идеал, не образ, безупречный во всех отношениях, всегда поступающий в соответствии

с правилами хорошего тона. Будучи прав по существу, Караджан порою отстаивает эту свою правоту с излишней горячностью, резкостью, не щадящей самолюбия других. Душевная чистота и деликатность совмещаются в нем с порывистой дерзостью, прямолинейностью, с нравом крутым, угловатым, ершистым. Как говорится, характер — не шелк, зато чем полнее и глубже по мере знакомства постигаешь его, тем яснее открывается его глубина, а в той глубине — родниковая чистота, благородство и нежность.

Такое совмещение в едином и цельном характере неоднородных внутренних качеств и внешних форм проявления их, безусловно, обогащает образ Караджана Мингбаева, придает ему глубину и объемность, а главное — большое жизненное правдоподобие. Но сколь бы важной для автора ни была эта задача, есть все основания думать, что, формируя характер Чаткальского тигра, писатель имел перед собой и другую высокую цель — создать положительный образ, полемический противопоставленный целому ряду литературных героев последнего времени, «нормативно» резонных и правильных в своих речах, поступках и помыслах, усредненных в страстях и действующих с безошибочной логикой сгнеторешающего устройства. И в этой полемике, пусть не объявленной, скрытой, образ Караджана Мингбаева — аргумент доказательный, яркий, склоняющий читателей на сторону автора.

Роман, повествующий о большой социальной и политической стройке, вполне естественно населен очень густо. Здесь и рабочие, и инженеры, партийные работники и местные жители, нежданно-негаданно оказавшиеся в коловращении великих событий. Ритм грандиозной гидротехнической стройки, так явственно ощущаемый в романе, одного за другим вовлекает их всех, выявляя истинную ценность каждой человеческой личности, воспитывая и закаляя характеры.

С большой теплотой и поэтичностью рисует автор образ невесты, а потом жены Караджана Мингбаева — Гулгун, ее отца — invalida Великой Отечественной войны Милтибая, ее матери Санабархон. Крупным

планом представлена семья вышедшего на пенсию инженера, члена-корреспондента Академии наук Музаффарова — его жена Мархаматхон, дочери Таманно и Тасанно, его непутевый сын Хайрулла, пристрастие которого к легкой и сладкой жизни в конечном итоге логично приводит его на скамью подсудимых. Особую функцию — функцию высокого поэтического осмысления событий, преобразующих родные края, просветляющих и облагораживающих человеческие души, — призван играть образ поэта Амира Равнака. Своя идейная и сюжетная роль у начальника стройки Садовникова, парторга Ивана Шишкина, старика-садовода Чаршанбы-ата.

К чести автора нужно сказать, что он не обходит острых углов, не закрывает глаза на теневые явления жизни, на людей, чьи нравственные принципы далеки от наших общественных идеалов. Он представляет их в действии, в конкретных поступках, которые наносят ущерб и препятствуют общему делу, оборачиваются многими тяжелыми бедами для окружающих, осложняют, а бывает, и рушат человеческие отношения на производстве, в быту, в любви и товариществе, накладывают трагический отпечаток на судьбы соприкоснувшихся с ними людей.

Конечно, в большом, широкоохватном романе не бывает, чтобы все выглядело равноценно. Это относится и к «Чаткальскому тигру». Так, например, нельзя не заметить, что, наделив одного из своих героев — Файзулла Музаффарова — званием члена-корреспондента Академии наук, не раз называя его крупным специалистом в области гидротехники, автор никак и нигде не выявил его как ученого. Больше того, когда, истомившись своей пенсионной праздношью, Музаффаров решает идти работать на Чарвакскую стройку, его, большого ученого, почему-то используют не по специальности, а назначают начальником отдела кадров. Почему? Трудно понять и другое: как могло так получиться, что, проживая весь свой век бок о бок с большим ученым, человеком высокой общей культуры, жена Музаффарова — Мархаматхон, женщина, несомненно, хорошая, добрая, честная, остановилась в своем интеллектуальном развитии.

Но все это частности. В целом же, нужно сказать, новый роман Мирмухсина — произведение яркое, свежее, написанное твердой рукой зрелого мастера. Это — значительный вклад в художественную летопись современности.

Г. МАРЬЯНОВСКИЙ.